

Виктория Небрат

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ¹

Статья является продолжением разработки историко-экономических аспектов институциональной реконструкции национальной экономики² и представляет результаты обобщения теоретических основ и методологических принципов анализа исторического процесса изменения институциональной структуры экономической системы.

Ключевые слова: теория институциональных изменений, трансформация институтов, историческая траектория, институциональная инерция, реконструктивное экономическое развитие, институциональная реконструкция.

JEL: В 250; В 490.

Необходимость конструктивных изменений в финансово-экономических и организационно-технологических механизмах общественного воспроизводства и функционирования национального хозяйства требует расширения категориального аппарата исследования этих явлений и углубления научного познания новых реалий общественного взаимодействия на основе применения методологического инструментария современного институционализма. Разработка основных направлений и путей формирования реконструктивного типа экономического развития с учётом исторических особенностей трансформации и современного состояния экономики Украины, а также закономерностей экономической глобализации и процессов становления постиндустриального общества, обуславливает необходимость обращения к теории институциональных изменений как теоретико-методологической основе институциональной реконструкции.

Цель статьи – обобщение теоретических основ исследования трансформации хозяйственных институтов для раскрытия содержания, форм и механизмов институциональных преобразований и обоснование возможности и целесообразности институциональной реконструкции национальной экономики.

Итоги и уроки институциональной трансформации стали предметом рассмотрения и освещения на страницах центральных научных изданий в связи с 25-летием независимости Украины. По проблематике характера и механизмов институциональных преобразований среди затронутых вопросов привлекают внимание следующие: концептуальное осмысление обще-

Небрат Виктория Васильевна (victoria_nebrat@ukr.net), д-р. экон. наук, старш. науч. сотр.; зав. отдела экон. истории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины"; сфера научных интересов: история украинской и мировой экономической мысли, институциональная экономическая история.

¹ Статья представляет результаты исследования автора, выполненных в рамках выполнения научного проекта "Общие и локальные механизмы реконструктивного развития экономики" (№ гос. регистрации 0117U002825).

² См.: Небрат В.В. Институциональный аспект исследования экономической истории // Экономическая теория. – К., 2016. – № 4.

ственно-политической динамики последних двадцати пяти лет в контексте институционального развития Украинского государства и национального хозяйства (Смолий, 2016); институциональная специфика рыночных трансформаций инверсионного типа (Гриценко, 2016); выявление потенциала институциональных преобразований и социогуманитарных рисков цивилизационного выбора, который рассматривается как выбор образа жизни и ценностей, выбор парадигмы и стратегии реализации собственного развития (Пирожков, Хамітов, 2016); роль в трансформации общественного строя изменений в общественном сознании и моделях поведения, определяющих динамическую комплементарность формальных и неформальных институтов, возможности создания институциональной среды, благоприятной для экономического развития (Геєць, 2016. С. 4); проблема совместимости традиционных институтов, структуры хозяйства, традиций управления экономикой, унаследованных от советской плановой экономики, с внедряемыми в ходе рыночных преобразований институтами и управленческими практиками западного образца (Зверяков, 2016. С. 8–9); исторически сложившиеся институциональные риски трансформации собственности, обусловленные особенностями национального хозяйственно-правового менталитета (Гордіца, 2016); институциональные детерминанты развития корпоративного сектора национальной экономики (Супрун, 2016) и др. Вместе с тем нерешённость практических проблем институциональной трансформации актуализирует обращение к пересмотру её теоретических основ, в том числе раскрытие факторов и механизмов изменения институциональной структуры экономической системы общества, динамического сочетания формальных и неформальных институтов. Остаётся недостаточно исследованным вопрос о соотношении заданности институциональной структуры предварительной траекторией экономического развития и целеполагания, институционального строительства в процессе институциональных преобразований хозяйственной среды.

Теоретическую основу исследования исторической траектории развития хозяйства Украины в контексте задач его институциональной реконструкции составляют новые подходы к раскрытию историко-экономических закономерностей на основе применения категорий "институт", "институциональная среда", "институциональная основа общества", "институциональная структура экономической системы", "институциональное изменение", "институциональная эволюция", "формальные и неформальные институты", определение траектории исторической зависимости от предшествующего развития и аппроксимации её на процессы, происходящие в настоящее время и ожидаемые в будущем. Выявление исторических особенностей социально-экономической и институциональной трансформации Украины, которые обусловили формирование базовых деструкций и воспроизводственных диспропорций, требует раскрытия содержания теоретических положений и методологических подходов к трактовке источников, типов и характера институциональных изменений экономики.

Согласно устоявшейся в институциональной теории традиции, институты рассматриваются как "правила поведения", действующие в рамках социокультурных норм (привычек, стереотипов) и общепринятой практики ("рутин"). Такая трактовка корреспондируется с общесоциологическим подходом к пониманию институтов как упорядоченного взаимодействия, способа координации деятельности отдельных индивидов и групп в социуме на основе "устойчивых способов мышления, характерных для большого сообщества людей" (Веблен, 1994. С. 46), "правил игры, определяющих контекст, в котором происходит экономическая деятельность" (Уильямсон, 1996. С. 38). Традиция трактовки институтов как определённых стереотипов сознания, которые проявляются и реализуются в человеческом поведении, была основана В. Гамильтоном, давшим классическое определение института: "Институты – это словесный символ

для лучшего описания ряда общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный способ мышления, который стал привычкой для группы или обычаем для народа ... Мир обычаев и привычек, к нему мы приспособляем нашу жизнь, является переплетением и непрерывной основой институтов" (*Hamilton*, 1932. P. 84).

Формирование институтов является результатом длительного во времени процесса закрепления в сознании определённых форм поведения и оценочных суждений относительно них, признание отдельных форм как общепринятых и становления на этой основе норм социального взаимодействия. Практическое значение этого теоретического положения подтверждает анализ итогов рыночной трансформации в Украине. Подчёркивая роль изменений общественного сознания в перестройке институционального порядка, В. Геец заметил: "Механическое перенесение отношений частной собственности путём приватизации государственных активов не могло создать жизнеспособной институциональной среды для частнопредпринимательской деятельности, зато стало благоприятной почвой для формирования коррумпированной и абсолютно неэффективной олигархической модели экономики" (*Геець*, 2016. С. 4).

Определяющую роль в генезисе институтов как стереотипов мышления и деятельности играют *ценности* как основа социальной общности и база для согласования отличных или противоположных интересов. Совокупность ценностей, привычек, не всегда осознанных духовных установок, психологических алгоритмов, которые формируют взгляд человека на окружающую действительность и, соответственно, определяют его поведение, образуют *менталитет* – глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания. Согласно концепции К. Юнга, основополагающее значение для социализации личности и человеческого взаимодействия имеет коллективное подсознательное – своеобразные инстинкты, состоящие из так называемых *архетипов*³, которые всплывают из глубины психических бессознательных образований, воплощают в себе социальный опыт и передаются из поколения в поколение на генетическом уровне. На основе архетипов, которые формируют групповой менталитет, ценностей, стереотипов, обычаев и норм, определяющих уровень социальной организации, происходит становление так называемых *неформальных институтов*, которые апробируются и закрепляются благодаря постоянной повторяемости взаимодействия.

Механизм воспроизводства неформальных институтов сочетает постоянство (наследственность) и изменение как две неотъемлемые составляющие любого эволюционного процесса. Основной наследственный элемент в социоэкономической эволюции – это бремя общественной инерции, который поддерживается умышленно культивируемой традицией. Таким образом, ключевую роль в передаче социального опыта и произведённых на его основе норм координации общественного взаимодействия играет культура (*Boyd*, 1985). Она является механизмом накопления, сохранения и трансляции информации о приемлемых и устоявшихся формах поведения, апробированных моделях согласования интересов, правилах, которые служат ограничениями и одновременно ориентирами деятельности отдельных индивидов и социальных групп. Следовательно, культурное развитие определяет уровень социальной организации, упорядоченности общественной жизни. Тем самым уменьшается неопределённость как главная проблема экономического поведения. *Общественная инерция* служит "предохранителем" культурных разрывов, обеспечивает преемственность и наследственность неформальных институтов даже в условиях радикальных социально-политических изменений.

Именно неформальные институты послужили основой социальной координации в традиционном обществе, где нормы поведения и формы

³ Архетипы – первичные природные образы, идеи, переживания, свойственные человеку как субъекту коллективного бессознательного.

деятельности определялись статусом контрагентов, их местом в общественной иерархии. Утверждение обмена как основной формы социального взаимодействия и разрушение традиционного общества привели к вытеснению вертикальных (иерархических) связей горизонтальными (сетевыми). При таких условиях решающее значение приобретают *формальные институты* – совокупность правовых норм, определяющих легитимное поле деятельности, устанавливающих правила хозяйственного взаимодействия и деловой коммуникации, уменьшающих риски для экономических контрагентов, обеспечивающих предсказуемость их поведения. Нормы права, которые являются прозрачными и обязательными для всех, обеспечивают социальную координацию в обществе, основанном на личной свободе в политической сфере, а также частной собственности и товарно-денежных отношениях – в экономическом.

Универсальность юридических норм должна быть обеспечена механизмами их соблюдения. Поэтому высшим уровнем строительства институциональной структуры общества является формирование специального инструментария, системы организаций и аппарата исполнителей, назначением которых является контроль за выполнением норм закона, выявление нарушителей, оценка причинённого обществу вреда и наказание тех, кто избегает выполнения норм закона или прямо их нарушает. Важно отметить, что механизмы обеспечения соблюдения норм одинаково сопровождают становление и функционирование как формальных, так и неформальных институтов. Например, криминальная экономика порождает достаточно эффективные механизмы соблюдения её собственных законов – "рэкет", "крышевание", "откаты" и т.д. и устанавливает жёсткую систему "наказаний" криминального характера (которые сами являются преступлениями с позиций формального законодательства) за нарушение установленного порядка.

Механизм формирования институтов определяет их внутреннюю структуру: основой выступают представления, которые передаются через социальные механизмы наследственного воспроизводства; далее – стереотипы сознания и поведения, которые непосредственно связаны с менталитетом, исторически сложившейся экономической культурой; на этой почве – спонтанно сложившиеся механизмы координации деятельности, неформальные нормы взаимодействия; относительно более высокую степень составляют законодательно оформленные и закреплённые правовые нормы; в конце концов, в структуре каждого института есть механизмы, обеспечивающие контроль за соблюдением норм и санкции за их нарушение. Согласно неинституциональной концепции, понятие *институциональной структуры экономики* трактуется как совокупность, с одной стороны, формальных и неформальных правил и норм, устанавливающих порядок и уменьшающих неопределённость в процессе обмена, координирующих взаимодействие экономических субъектов и, с другой – институциональных механизмов, обеспечивающих их соблюдение (Эггертссон, 2001).

Разработка вопросов формирования и внутренней структуры институтов тесно связана с проблемой их *природы*, то есть выяснением роли и соотношения спонтанного развития социальной организации и сознательного установления норм и законов. А. Смит в своё время отмечал: "Во все эпохи и во всех странах мира люди должны были учитывать характеры, стремления и действия друг друга: им приходилось устанавливать и одобрять по общему согласию многочисленные важные правила и обычаи человеческого поведения" (2001. С. 470). Этот тезис позже получил развитие в концепции социального порядка, согласно которой человеческие существа по своей природе являются социальными созданиями с внутренне присущими им природными способностями решать проблемы социальной кооперации и изобретать моральные правила для ограничения индивидуального выбора. Задача выживания общественного организма в условиях его эволюции и усложнения структур порождают, по Г. Спенсеру, необхо-

димность формирования своего рода регуляторов социального поведения, которыми выступают институты. С развитием общества эта регулирующая система усложняется, а её роль возрастает (*Spencer*, 1898. Р. 46).

Единство политической, экономической и правовой систем на различных этапах общественного развития, образующих связь официальных правил и неофициальных ограничений, составляют *институциональную основу* общества, детерминируя конкретно-исторические формы общественного бытия и траекторию дальнейшего развития. Экономический застой и упадок, как и успешность хозяйствования, могут быть объяснены эволюцией институциональной основы. Зрелость институтов, определяющих эффективность институциональной основы как регулирующей системы, согласно концепции Дж. Ходжсона, может быть оценена по следующим критериям: во-первых, стабильность сложившихся структур собственности и правил контроля эффективности её использования; во-вторых, культура контрактов и обязательств, которые вызывают доверие экономических агентов; в-третьих, дееспособность судебной системы; в-четвёртых, политическая и правовая стабильность (2003. С. 37).

В исследованиях по экономическому праву и экономике рационального выбора, в частности в трудах Ф. фон Хайека, Г. Демсеца, Р. Коуза, Э. Остром и др., рассматривалось спонтанное продуцирование социальных норм как основы институциональной эволюции. Однако наличие установленных стереотипов поведения, определённых моральных норм, устоявшихся традиций, обеспечивающих координацию социального взаимодействия, не создаёт достаточных институциональных условий для экономического и социального развития. Самоорганизация может дать естественный, но не социальный порядок. В то же время, как утверждал Вебер, смысл современной эпохи заключается в замене неформальной власти законом и открытыми институтами (*Weber*, 1978). Важное методологическое и ещё большее практическое значение имеет предостережение К. Поппера, который указывал, что хотя структура социальной и, в частности, экономической среды в определённом смысле является продуктом человеческой деятельности, а институты и традиции представляют собой результаты человеческих действий и решений и изменяются под их влиянием, это вовсе не означает, что они сознательно спроектированы или сконструированы. Наоборот, даже те институты, которые возникают как результат сознательных и целесообразных человеческих действий, оказываются, как правило, косвенными, непредсказуемыми и по большей части нежелательными побочными последствиями таких действий (*Поппер*, 1992. С. 111). Вместе с тем *институциональное строительство* наряду со спонтанной эволюцией институциональных норм составляет неотъемлемую составляющую социальной жизни.

Механизм эволюции экономических институтов Ф. фон Хайек охарактеризовал следующим образом: "Различные структуры, традиции, институты и другие компоненты этого порядка возникали постепенно как вариации тех или иных привычных способов поведения. Новые правила подобного рода распространялись не потому, что люди сознавали их большую эффективность, <...> но просто потому, что придерживающиеся их группы начинали успешнее воспроизводиться" (Хайек, 1992. С. 46–47). Поэтому наиболее эффективный порядок действий, спонтанно становится институтом, укореняется в повседневной хозяйственной практике, "приобретая атрибуты привычности, традиции, универсальности и всеобщности, снимая тем самым с субъекта бремя неопределённости, оценки и выбора" (*Гриценко*, 2008. С. 91).

Вместе с тем по мере развития общества разворачивается целесообразная деятельность, направленная на формирование и юридическое закрепление определённых норм и правил. Процесс *институционализации* включает три взаимообусловленные составляющие: во-первых, декларирование

на законодательном уровне определённых (писаных) правил и норм поведения экономических субъектов; во-вторых, легитимация, признание их обществом; в-третьих, закрепление этого признания в неписаных правилах и рамках индивидуального и общественного поведения (Якубенко, 2004. С. 24). Таким образом, формирование экономических институтов является результатом синтеза сознательного конструирования и спонтанного продуцирования норм и правил, которые проходят испытания и отбор в ходе экономического развития, в результате чего часть из них закрепляется ("укрепляется") в хозяйственно-правовой практике. Соответственно, по природе и механизму действия экономические институты могут быть продуктом человеческого сознания (прагматичные, формальные) и могут складываться в процессе исторического развития (органические, неформальные).

Если в дорыночную эпоху доминирующими были основанные на социальной иерархии институты власти, то в ходе развития рынка ключевое значение приобретают именно экономические институты. Любой экономический институт является относительно устойчивой совокупностью формальных правил и неформальных норм, регулирующих принятие решений, формы деятельности и взаимодействия социально-экономических субъектов и их групп и существующих в течение длительного периода времени. Базовыми экономическими институтами в условиях рыночной системы являются частная собственность, контракт и конкуренция. При этом под собственностью имеется в виду не только чёткая и прозрачная система фиксации и защиты имущественных прав, что, безусловно, составляет институциональный фундамент рыночной экономики. Не меньшее значение имеет возможность свободной передачи прав собственности, наличие механизмов "отчуждения" и использования имущественных прав как исходный элемент превращения активов в капитал, который способен генерировать добавленную стоимость и увеличивать производительность. Реализация потенциальной способности капитала к развёртыванию нового производства, технико-организационным инновациям, привлечению производительных ресурсов в экономический кругооборот требует определённых институциональных условий, а именно – создания такой формализованной системы собственности, "которая добывает экономический потенциал активов и превращает его в форму, удобную для транзакций и контроля" (Сото, 2009. С. 51). Частная собственность в традиционном понимании – закрепление имущественных прав на землю и другие факторы производства – является необходимым условием формирования рыночной системы, но недостаточным условием для её развития. Институт собственности в капиталистической экономике – это, по определению Э. де Сото, "сфера, где мы идентифицируем и оцениваем активы, комбинируем и связываем их с другими активами" (2009. С. 50). В развитых странах формализованная репрезентация собственности является средством обеспечения ответственности – она предоставляет необходимую для этого информацию, правила, нормы и механизмы принуждения. Плюрализм форм собственности при этом не допускает юридического плюрализма в трактовке норм и требований закона.

Ответственность контрагентов при заключении сделок обусловлена чёткостью и однозначностью правовых норм, определяющих полномочия сторон. Тем самым открываются возможности для развития универсальной экономики контрактов, где отсутствуют ограничения по перемещению, комбинации и интеграции активов, связанные с определением и передачей прав собственности. Эти ограничения просто трансформируются, в соответствии с законами рынка, в определённую плату – транзакционные издержки. Уважение к собственности и обеспечение соблюдения соглашений составляют результат продолжительной институциональной эволюции, а следовательно, не могут быть введены в ходе проведения экономических реформ или установлены декретом (Гордіца, 2016). Зато

обратные процессы, как свидетельствует отечественная история, происходят на удивление быстро – разрушение институтов собственности, основанных на ней ответственности и социального капитала, имеющих в своей основе доверие к согражданам, с одной стороны, и государства и его институтов – с другой, стремительно "сносит" всю конструкцию социального и экономического устройства общественной жизни.

Экономическая свобода, основанная на собственности и ответственности экономических субъектов, в рыночной экономической среде реализуется через конкуренцию. Согласно постулатам классической школы именно конкуренция и рыночный механизм ценообразования составляют основу саморегулирующейся рыночной системы, которая обеспечивает баланс индивидуальных экономических интересов, мотивов и стимулов (Сміт, 2001. С. 158–159). Следовательно, без чёткой системы собственности невозможен переход к экономике контрактов, основанной на прозрачности правил и обязательности соблюдения соглашений. Так же без обеспечения экономической свободы и ответственности субъектов не может быть создана конкурентная среда, служащая основой повышения производительности труда, технологических и организационных инноваций, достижения экономического благосостояния. Взаимосвязь и субординация институтов имеют определяющее значение для становления и развития экономической системы. Поскольку институты являются надличностными образованиями и формируют макроструктуру общества, постольку тип общества зависит от того, какой институт является доминирующим. Доминирование института семьи сформировало родовое общество, церкви – феодальное, государства – тоталитарное, рынка и собственности – капиталистическое. В то же время доминирующий институт требует от других институтов лояльности, что становится условием отбраковки порядка доминирования и закрепляется в формальных нормах.

Формальные правила, образующие *институциональную среду*, включают юридические нормы, экономические правила и контракты. Правовые нормы определяют иерархическую структуру и порядок принятия решений; экономические – возможные формы организации хозяйства и "пучок прав" по реализации экономических интересов и собственности; контракты являются сделками, содержащими условия и правила взаимодействия экономических агентов (Ванберг, 1995). Легитимность неформальных норм "является работой истории и традиций, которые уходят далеко за пределы возможностей какого-либо одного поколения" (Нисбет, 2008. С. 143). Институты как устойчивые, апробированные механизмы, модели поведения в определённых ситуациях служат своего рода "программным обеспечением" для решения конкретных задач в исторически определённых условиях, упрощают принятие решений экономическими субъектами. Институциональная среда служит "рабочей зоной", определяющей экономическое пространство взаимодействия людей, которые имеют разные цели, но единые ограничения и нормы поведения.

Институты как сложившиеся способы координации хозяйственной взаимодействия синтезируют апробированные практики и одновременно подвержены трансформации. Необходимость институциональных преобразований определяется внутренними импульсами экономической системы. Речь идёт об условиях, при которых для увеличения доходов необходимо изменить условия хозяйственного взаимодействия, то есть когда институциональная трансформация обусловлена несоответствием между частными экономическими интересами и общественным благосостоянием. Институты постоянно находятся в состоянии динамического изменения, вытеснения одних другими, что обуславливает, во-первых, связь и преемственность исторических состояний социума, а во-вторых, подвижность и временный характер институциональных форм (Гриценко, 2008. С. 94).

Трактовка экономики как сложной, эволюционирующей системы служит основанием для применения обоснованного в своё время Т. Вебленом

принципа "кумулятивной причинности", согласно которому экономическое развитие характеризуется сложным причинным взаимодействием многочисленных экономических и неэкономических феноменов, усиливающих друг друга. Конкретные факты, события и ситуации приобретают значение для характеристики системы как единого целого. Вместе с тем, в отличие от формального подхода, ключевое значение имеют не линейные причинно-следственные, а функциональные связи и взаимозависимости, обратное и побочное действие определённых факторов, целеполагание и социально-психологические детерминанты экономических процессов и т.п.

Применение подхода, предложенного Г. Мюрдалем для анализа проблем слаборазвитых стран (1972), к изучению институциональной трансформации в Украине, может заключаться в анализе ряда факторов, связанных круговой причинностью: условия и технологично-организационный уровень производства, стандарты потребления и качество жизни, социальная стратификация общества, уровень доходов и отношение населения к труду и т.п. Институциональная теория преодоления отсталости и проведения структурных преобразований исходит из того, что экономические процессы не следует рассматривать как доминирующие. Проблемы и сложности индустриализации, барьеры на пути становления инновационно-информационной модели развития согласно этой концепции, связаны не с недостатком капитала, а с социальными противоречиями, архаичной отсталостью всех сфер общественной жизни, когда люди не находят применения своему труду, а материальные ресурсы не трансформируются в активы. В основе общественных преобразований должен быть не рыночный автоматизм, а сознательная целенаправленная деятельность государства по радикальному изменению общественных институтов на основе всестороннего учёта местных условий и исторических особенностей. То есть речь идёт об институциональных реформах как основе обеспечения конкурентоспособности национального хозяйства, благосостояния нации и социального развития общества.

Для успешной трансформации экономики Украины в направлении более высоких стадий развития в технологическую эпоху Третьей и Четвёртой промышленных революций Б. Данилишин дал предложения и рекомендации для правительств стран, т. н. "неэндогенного капитализма", основанные на концепции Г. Мюрдала и предусматривающие формирование новой модели воспроизводства для национального хозяйства на основе телеологического принципа и усиления роли государства (Данилишин, 2016. С. 53–54). Стоит заметить, что повышение качества институтов (защищённость прав собственности, независимость и неподкупность судей, снижение уровня коррупции, укрепление законности, улучшение качества государственного управления) давно признано одним из ключевых факторов успешной общественной трансформации и составляющей эффективной стратегии социально-экономического развития (Полтерович, 2008).

Теоретико-методологические основы изучения сущности и возможного хода институциональных трансформаций заложены теорией институционального изменения Д. Норта. Согласно определению, предложенному учёным, институциональное изменение – это сложный постепенный процесс, включающий изменение правил, неофициальных ограничений, характера и эффективности соблюдения норм. Все институты – от обычаев, кодексов и норм поведения до уставного и общего права и контрактов между индивидами – постепенно меняются, поэтому постоянно меняются доступные нам варианты выбора рационального способа распределения ресурсов (Норт, 2000. С. 15). Нарастание таких изменений может быть настолько медленным и незначительным, что они практически незаметны, хотя, как убедительно доказал Э. Тоффлер, в современном мире скорость институциональных изменений возрастает (2003).

Историко-экономический анализ трансформации институтов предусматривает изучение феномена *зависимости от предшествующего разви-*

тия (*path dependency*). Раскрытие преемственности в эволюции институциональной структуры с применением метода *path dependency* было предложено американскими экономистами-историками П. Дэвидом (*David*, 1975) и Б. Артуром (*Arthur*, 1989). Согласно концепции Д. Норта, именно институциональная методология на основе исследования последствий зависимости институционального изменения от её пути делает возможным выявление закономерностей в процессе исторического развития, а также является основой для прогнозирования будущих изменений. Учёный, в частности, отмечал: "Мы не можем понять нынешних вариантов выбора (и определить их при моделировании функционирования экономики), если не проследим постепенного развития институтов" (*Норт*, 2000. С. 129).

Трансформация институтов, выступающих элементами определённой общей совокупности, актуализирует проблему их эффективности. При институциональном изменении вытеснение и замещение одних институтов другими и одновременное сосуществование институтов, имеющих различную "генетическую природу" и противоположные функции, может привести к полному разрушению институциональной структуры, то есть к институциональному хаосу. Следовательно, *эффективность институтов* зависит от того, приобретает ли совокупность институтов признаки системности, являются ли эти институты комплементарными, какие последствия будет иметь их сочетание. Проблема качества и эффективности тех или иных институтов и хозяйственных систем, опирающихся на определённую институциональную основу, в украинской истории непосредственно связана с особенностями и путями институциональной трансформации общества (*Небрат* (ред.) и др., 2012. С. 75–76). Неформальные институты в целом и институты хозяйствования в частности всегда были более инертными, а значит, и более устойчивыми к разрушительным дестабилизирующим воздействиям по сравнению с формально-правовыми институтами. Вместе с тем устойчивость неформальных норм, определённая институциональная инерция обуславливают противоречие между "новыми" формальными институтами, которые насаждаются путём заимствования из опыта развитых стран, и укоренившимися стереотипами экономического поведения.

Если коренное изменение официальных правил вступает в противоречие с существующими неофициальными ограничениями, то между ними возникает непреодолимое напряжение, что приводит к длительной политической нестабильности и экономической стагнации. М. Зверяков, оценивая итоги общественной трансформации в Украине за двадцать пять лет государственной независимости, выделил проблему совместимости традиционных институтов, структуры хозяйства, традиций управления экономикой, унаследованных от советской плановой экономики, с внедряемыми в ходе рыночных преобразований институтами и управленческими практиками западного образца. Следствием такого сочетания стало – отсутствие условий для внутри- и межотраслевой конкуренции, а также для накопления капитала в эффективных формах (*Зверяков*, 2016. С. 8–9).

Для обозначения различных типов институтов в зависимости от их общественной эффективности, влияния на экономическое развитие и народное благосостояние Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон предложили термины "экстрактивные" и "инклюзивные институты" (2016). Экстрактивные институты базируются на концентрации власти-собственности, обеспечивают использование ресурсов и перераспределение благ в интересах узкого круга лиц. А инклюзивные институты – это нормы, способствующие включению всех субъектов в процесс использования общественного богатства, приумножения капитала и участия в доходах. Диалектическое взаимодействие политических и экономических институтов обычно выражается в том, что экстрактивные политические институты, присущие тоталитарным обществам, поддерживают и воспроизводят экстрактивные экономические институты. Обществам с развитыми демократическими традициями и пра-

новым государством свойственны инклюзивные экономические институты, основанные на экономической свободе, конкуренции, публичности государственного управления. Пользуясь этой терминологией, можно утверждать, что в Украине сформировалась и воспроизводится система экстрактивных экономических институтов. И никакие политические изменения до сих пор не обеспечили преодоления этой траектории развития.

Комплексная задача создания национальной экономики с учётом вызовов глобальной нестабильности, требований информационно-инновационного этапа эволюции мирового хозяйства актуализируют проблему *институциональной реконструкции* как особого способа создания и развития эффективной экономики на основе изменения укоренившихся норм и правил взаимодействия как между государством и его гражданами, так и в самой хозяйственной среде. Речь идёт не только об эволюции или строительстве институтов, но и о создании и реализации институтов трансформации. Понятна потребность в изучении, оценке и обобщении исторического опыта функционирования таких институтов. Как показывает практика, роль институтов трансформации успешно выполняют образование, средства массовой информации, деятельность общественных организаций (*Небрат* (ред.) и др, 2012. С. 276–297).

Усиление роли государства в условиях формирования и развития рыночных институтов обусловлено необходимостью установления и поддержания стандартов качества, участия в роли третьей стороны при решении споров по поводу контрактов, которые резко усложнились, регулирования внешних эффектов и т.п. В то же время важная роль в функционировании и изменении институтов принадлежит организациям, которые также структурируют взаимоотношения между людьми, но выступают, по определению Д. Норта, не правилами, а игроками (2000. С. 13). Конкретные институциональные ограничения образуют правила игры, то есть то пространство, в котором действуют субъекты – организации и граждане. В понятие "организация" входят политические органы и учреждения, экономические структуры (фирмы, профсоюзы, семейные фирмы, кооперативы), общественные и образовательные учреждения. Организации создаются для достижения определённых целей, в процессе движения к которым они выступают главными агентами (двигателями) институциональных изменений. Если организации направляют свои усилия на непродуктивную деятельность, это означает, что институциональные ограничения создали такую структуру стимулов, которая поощряет именно такое экономическое поведение.

Согласно концепции институционального изменения, предложенной Д. Нортом, страны "третьего мира" бедные потому, что институциональные ограничения определяют систему вознаграждений за политические (или экономические) действия, которые не поощряют к продуктивной деятельности; то же касается и постсоциалистических стран. Соглашаемся с мнением Т. Гайдай, определившей институциональный порядок, сложившийся в отечественной экономике в результате предыдущих институциональных изменений, как разновидность модели экономики ограниченного доступа, что предполагает "доминирование правящей коалиции элит, наделённой особыми правами ограничения доступа к основным экономическим и политическим ресурсам. В неконкурентной экономике "ограниченного доступа" самой высокой является отдача от инвестиций во власть-собственность, направленных на политико-экономическое рентополучение, которое становится мощной альтернативой конкурентной предпринимательской инновационной деятельности" (*Гайдай*, 2016. С. 36). Стоит добавить, что такая конфигурация институтов и соответствующая система стимулов и ориентиров экономической деятельности в отечественной хозяйственной среде начала формироваться ещё в период т. н. "первой волны" рыночных реформ (вторая половина XIX – начало XX века), когда изменение институциональной среды экономики происходило на основе сочетания базовых

институтов рынка и традиционных институтов самодержавной власти (Небрат, 2016. С. 8). В целом деформация институтов, так же как консервирование неэффективных норм и практик, является составляющей процесса институциональных преобразований.

По мнению Т. Пикетти, ключевыми параметрами, обуславливающими институциональные изменения, является накопление капитала и распределение богатства (2016). Начиная с XVIII века, эволюция распределения собственности и доходов привела к коренной перестройке институциональной основы общественного воспроизводства. Например, протекционизм из формы покровительства и контроля государства над капиталом превратился в свою противоположность – механизм, с помощью которого капитал использует государство в своих интересах. Анализируя процессы долговременного исторического изменения отношения капитала к доходу, учёный обосновал вывод, что быстрый экономический рост уменьшает неравенство в распределении богатства и доходов, тогда как замедление роста приводит к усилению концентрации капитала, росту его значения в распределении и увеличению неравенства. Эти процессы, в свою очередь, служат пусковым механизмом институциональных изменений, которые могут прокладывать себе путь через внутрисистемные конфликты и перераспределение власти, экономические реформы и изменение курса экономической политики государства, глобальное противоборство и перестройку мирового экономического порядка.

Состояние *институционального равновесия* Д. Норт определяет как ситуацию, "когда в условиях заданной прочности позиций игроков в отстаивании своих интересов и совокупности договорных сделок, составляющих общий экономический обмен, ни один из игроков не будет считать выгодным выделять ресурсы на переформулирование соглашений" (2000. С. 110). Однако достижение такого состояния вовсе не означает, что все экономические субъекты довольны существующими правилами. Просто сопоставление относительных затрат и выгод, связанных с изменением правил игры между сторонами-участниками соглашений, не могут его оправдать. Высокие издержки институциональной трансформации служат барьером изменений, поэтому неэффективные институты могут сохраняться длительное время. Оптимистическая модель, которая исходит из представления, что неэффективные институты всегда должны вытесняться эффективными, была положена в основу труда Д. Норта и Р. Томаса о восходящем развитии западного капитализма (North, Thomas, 1973). Ещё раньше эволюционную гипотезу о неизбежности вытеснения неэффективных институтов в ходе конкуренции предложил А. Алчиан (Alchian, 1950). Однако история свидетельствует, что неэффективные формы экономики существовали тысячелетиями, а развитие различных обществ идёт не в направлении сближения и унификации институциональных основ, а наоборот, демонстрирует всё больше разнообразия; конкуренция на экономических и политических рынках не приводит к последовательной отбраковке плохих правил игры. Последние работы в области исследования причин успешности одних наций и упадка и бедности других (Райнерт, 2010; Аджемоглу, Робинсон, 2016; Пикетти, 2016) доказывают исторически перманентную взаимосвязь экономических и политических институтов, указывают на институциональные причины экономической неэффективности, приводящие к воспроизводству и усилению социального неравенства и неравномерности экономического развития.

В поддержании неэффективных институтов может быть заинтересовано государство, если это увеличивает монопольную ренту. Фактически именно так и было на протяжении значительной части истории человечества в целом и отечественной истории в частности. В то же время политическим рынкам, по убеждению Д. Норта, органично присуща тенденция продуцировать неэффективные права собственности, ведущие к стагнации и упадку.

Если даже какие-то правила игры подрывают благосостояние общества, но при этом приводят к перераспределению богатства в пользу той или иной могущественной группы, они, несмотря ни на что, будут устанавливаться и сохраняться: "Организации с достаточно сильными позициями в отстаивании своих интересов используют государство для достижения целей, когда выигрыш от максимизации в этом направлении превышает выигрыш от капиталовложений в рамках существующих ограничений" (Норт, 2000. С. 103).

Особую роль групп со специальными интересами в воспроизведении институтов отметили Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон: "Мощные властные группы часто восстают против двигателей процветания. Экономическое развитие – это не просто процесс увеличения количества лучших машин или большего количества образованных людей, но и трансформационный и дестабилизирующий процесс, связанный с распространением творческой деструкции. Поэтому развитие происходит только тогда, когда он не блокируется экономическими неудачниками, которые чувствуют, что их экономические привилегии будут потеряны, и политическими лузерами, которые боятся потерять свою политическую власть. Конфликт вокруг ограниченных ресурсов, доходов и власти превращается в конфликт вокруг правил игры, экономических институтов, которые будут определять экономическую деятельность и получать от неё выгоду" (2016. С. 78). Ярким историческим примером тормозящей роли государства и групп интересов в трансформации институтов является отставание Австро-Венгерской и Российской империй в индустриальном развитии от большинства европейских стран, обусловленное системой политических (абсолютная монархия) и экономических (земельная аристократия, крепостничество) институтов, которые "заблокировали" индустриальные преобразования.

Ещё одним фактором, способствующим сохранению и воспроизводству неэффективных институтов в обществе, является зависимость от собственной институциональной истории. Вполне преодолеть её невозможно, поскольку, как уже отмечалось, предыдущий путь институциональных изменений определяет современное состояние экономики и качественные характеристики хозяйственной среды. Вместе с тем, чтобы разорвать "порочный круг" воспроизведения неэффективных институтов, следует "ухватиться за критическое стечение обстоятельств и разрушить границы, чтобы реформировать свои институты и стать на путь процветания" (Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 111). Система ограничений и изъятий должна трансформироваться в систему стимулов к экономической активности. Главным барьером на этом пути выступает угроза потери политической и экономической власти теми, кто при существующей системе имеет возможности распоряжения национальным богатством и перераспределения доходов. Институциональная трансформация заключается в изменении правил, а это означает не только открытие новых возможностей и включение мощных мотивационных механизмов инновационного развития, но и подрыв старой отлаженной системы норм и механизмов, которые обрекают общество и экономику на стагнацию и зависимость, но обеспечивают элите возможности контроля и использования общественных ресурсов и государственной власти.

Новым мощным фактором институциональной трансформации общества выступает социальный капитал. Рассматривая феномен самоорганизации в аспекте создания и закрепления норм социального взаимодействия, Ф. Фукуяма заметил, что по мере роста сложности и технологической насыщенности экономических процессов, координация действий возникает скорее снизу, а не навязывается сверху, и базируется на общих ценностях и приемлемых нормах, что позволяет индивидам эффективно работать вместе для достижения общественно значимых результатов (2004. С. 265). Если люди осознают, что они и в дальнейшем будут жить в этом сообществе, пользоваться созданными благами и руководствоваться принятыми нормами для их приумножения, то это формирует ответственность, со-

ставляет основу институционального строительства. Таким образом социальная инклюзия, доверие и солидарность становятся детерминантами преобразований институциональной структуры общества, что получило отражение в научной литературе. В частности, в последние годы сформировались новые теоретические подходы к толкованию социальных факторов экономического развития и общественных трансформаций в Украине. Были подняты такие проблемы: социальное включение и отчуждение; нарушение коммуникативной эффективности взаимодействия власти и социума; развитие и институционализация социального диалога в системе экономической демократизации; комплементарность формальных и неформальных институтов; социальная мобильность как критерий оценки общественной модернизации; феномен "обедняющего развития" и его последствия; институциональная асимметрия либерально-рыночных и социально-политических преобразований (Небрат и др., 2014. С. 381).

Исторический процесс изменения институциональной структуры экономической системы включает как постепенную трансформацию существующих институтов, так и их относительно быструю замену в ходе сознательной целесообразной деятельности. Под действием растущей роли социальных факторов экономического развития и утверждения телеологического подхода к процессу институциональных преобразований, мощных экзогенных воздействий и вызовов, определяющих сочетание различных институтов в национальной экономике, открываются возможности их рекомбинации и социального конструирования в направлении достижения общественно желаемых целей.

Выводы. Таким образом, обобщение теоретических основ исследования эволюции институтов позволяет расширить и вместе с тем конкретизировать представление об источниках, типах и характере институциональных трансформаций. Установлено, что они определяются внутренними и внешними, экономическими, социальными и технологическими источниками изменений на уровне организаций и национальной экономики в целом. При этом трансформация может происходить путём эволюции, спонтанных изменений, проведения институциональных реформ и заимствования институтов с последующей их имплементацией в институциональную структуру экономики. По характеру изменений это может быть переход к экстрактивным или инклюзивным, высоко- или низкосинергетичным, тоталитарно-редистрибутивным или рыночно-конкурентным институтам.

За годы государственной независимости Украины, наряду с позитивными процессами построения национальной экономики и формирования экономических институтов государственности, происходит укоренение модернизированных экстрактивных институтов. Учреждаемые государством новые нормы не разрушают системы отчуждения человека от экономики, ресурсов, возможностей, информации, доходов, а наоборот, укрепляют и осовременивают её. Под видом социальной защиты населения развивается и укрепляется система изъятия и последующего перераспределения жизненных благ, что может быть охарактеризована как "политика бедности". Угрозы такого курса государства связаны с усилением процессов концентрации собственности, капитала, богатства и увеличением неравенства, которые, при отсутствии экономического роста, приобретают акселеративный характер. Это указывает на необходимость институциональной реконструкции как процесса формирования институциональной структуры, способной обеспечивать экономическую эффективность и социальное развитие на основе комплементарного сочетания собственных, исторически сложившихся институтов с заимствованными извне и имплементированными в отечественную хозяйственную среду. Возможности такой реконструкции определяются, с одной стороны, двойственным характером самой институциональной эволюции, которая в каждый момент времени сочетает старые и новые институциональные формы, открывая пространство их ре-

комбинации; а с другой – наличием общественного запроса по изменению модели экономического воспроизводства бедности, отсталости и неравенства на модель инклюзивного экономического развития.

Перспективным направлением дальнейших исследований является историко-экономический анализ институциональных преобразований отечественной хозяйственной среды как сочетания процессов естественной эволюции и сознательного изменения институтов в ходе экономических реформ, оценка их экономической и социальной эффективности.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2016) Чому нації занепадають. Походження влади, багатства та бідності; пер. з англ. О. Дем'янчука. Київ: Наш формат, 440 с.
- Ванберг В. (1995) "Теория порядка" и конституционная экономика. *Вопросы экономики*, № 12. С. 86–95.
- Веблен Т. (1994) Теория праздного класса. Москва: Прогресс. 367 с.
- Гайдай Т.В. (2016) Институційна дефектність квазіринкового середовища як бар'єр для інноваційного підприємництва. *Підприємництво як рушійна сила суспільного прогресу*: матеріали круглого столу (Київ, 1 грудня 2016 р.) / НАН України, ДУ "Ін-т екон. та прогнозув. НАН України". Київ. URL : <http://ief.org.ua/docs/scc/1.pdf>. С. 36–37.
- Геець В.М. (2016) Суспільний капітал – 25: одержавленість чи державотворчість? *Економіка України*. №8 (649). С. 3–6.
- Гордіца К.А. (2016) Трансформація власності в Україні: підсумки інституційних змін. *Економіка і прогнозування*. Київ. № 2. С. 24–40.
- Гриценко А.А. (2016) Економіка України на шляху до інклюзивного розвитку. *Економіка і прогнозування*. Київ. № 2. С. 9–23.
- Гриценко А.А. (ред.). (2008) Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований. Харьков : Форт. 928 с.
- Данилишин Б.М. (2016) Тактика еволюціонізму в сучасному економічному розвитку світу (в аспекті Третьої та Четвертої промислових революцій). *Економіка України*. №8 (649). С. 44–61.
- Звержков М.І. (2016) Уроки ринкової трансформації в Україні. *Економіка України*. №8 (649). С. 7–25.
- Мюрдаль Г. (1972) Современные проблемы "третьего мира". Москва : Прогресс.
- Небрат В.В. (2016) Институційний аспект дослідження економічної історії. *Економічна теорія*. № 4.
- Небрат В.В. (2016) Підприємництво і держава: ретроспектива інституційної взаємодії. *Підприємництво як рушійна сила суспільного прогресу*: матеріали круглого столу (Київ, 1 грудня 2016 р.) / НАН України, ДУ "Ін-т екон. та прогнозув. НАН України". Київ. URL : <http://ief.org.ua/docs/scc/1.pdf>. С. 6–9.
- Небрат В.В. (ред.) (2014) Українська економічна думка про чинники та пріоритети економічного розвитку: монографія; НАН України, Ін-т екон. та прогнозув. К., 396 с.
- Небрат В.В. (ред.) та ін. (2012) Еволюція ринкових інститутів в Україні: монографія: у 2 ч.; за ред.; НАН України; Ін-т екон. та прогнозув. Київ. Ч. 1. 332 с.
- Нісбет Р. (2008) Догми консерватизму. *Консерватизм*: антологія. 2-е вид. / упоряд. О. Гриценко, В. Лісовий. Київ : ВД "Простір", "Смолооскип". С. 142–177.
- Норт Д. (2000) Інституції, інституційна зміна та функціонування економіки; пер. з англ. І. Дзюб. Київ : Основи. 200 с.
- Пирожков С.І., Хамітов Н.В. (2016) Цивілізаційний проект України: від амбіцій до реальних можливостей. *Вісник НАН України*. № 6. С. 45–51.
- Пікетті Т. (2016) Капітал у XXI столітті; пер. з англ. Н. Палій. Київ: Наш формат. 696 с.
- Полтерович В.М. (2008) Стратегии модернизации, институты и коалиции. *Вопросы экономики*. № 4. С. 4–24.
- Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. – Т. 2: Время лжепрофетов: Гегель, Маркс и другие оракулы; [пер. с англ.; под ред. В.Н. Саудовского]. Москва: Феникс, Междунар. фонд "Культурная инициатива". 528 с.
- Райнерт Э. (2010) Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. Москва: ГУ ВШЭ. 382 с.
- Сміт А. (2001) Добробут націй. Дослідження про природу та причини добробуту націй. Київ : Port-Royal. 594 с. (Серія "Філософські першоджерела").
- Смолий В.А. (2016) Українська мрія: 25 років викликів. *Вісник НАН України*. № 8. С. 9–15.
- Сото Е. де. (2009) Загадка капіталу. Чому капіталізм перемагає лише на Заході і ніде більше; пер. з англ. М. Климчук. Київ: Ніка-Центр. 232 с.
- Супрун Н.А. (2016) Рамкові умови та інституційні детермінанти розвитку корпоративного сектору національної економіки. *Український соціум*. № 3(58). С. 72–87.
- Тоффлер Э. (2003) Шок будущего; пер. с англ. Москва: ООО "Издательство АСТ". 557, [3] с. (Philosophy).
- Уильямсон О. (1996) Экономические институты капитализма. Санкт Петербург: Лениздат. 476 с.
- Фукуяма Ф. (2004) Великий разрыв; пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой. Москва: ООО "Издательство АСТ" : ЗАО НПГ "Ермак". 474 с. (Philosophy).
- Хайек Ф. (1992) Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Москва. 304 с.
- Ходжсон Дж. (2003) Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории; пер. с англ. М.Я. Каждан. Москва: Дело. 464 с.
- Эггертссон Т. (2001) Экономическое поведение и институты; пер. с англ. Москва: Дело. 408 с.

- Якубенко В.Д. (2004) Базисні інститути у трансформаційній економіці : монографія. Київ: КНЕУ. 252 с.
- Alchian A. (1950) Uncertainty, Evolution and Economic Theory. *Journal of Political Economy*. Vol. 58. P. 211–221.
- Arthur W.B. (1989) Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-in by Historical Events. *Economic Journal*. Vol. 99, № 394. March. P. 116–131.
- Boyd R., Richardson P.J. (1985) Culture and the Evolutionary Process. Chicago : University of Chicago Press. 340 p.
- David P. (1975) Technical Choice, Innovation and Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hamilton W. (1932) Institution. Encyclopedia of the Social Sciences. New York. V. VIII. P. 84.
- North D., Thomas R. P. (1973) The Rise of the Western World. New York : Cambridge University Press.
- Spencer H. (1898) First principles. New York. 344 p.
- Weber M. (1978) Economy and Society. Berkeley: University of California Press. Vol.1.

References

- Adzhemoglu D., Robinson Dzh. (2016) Chomu natsii zanepadaiut. Pokhodzhennia vlady, bahatstva ta bidnosti [Why nation in decline. The origin of power, wealth and poverty] ; per. z anhl. O. Demianchuka. Kyiv: Nash format, 440 p. (In Ukrainian)
- Vanberg V. (1995) "Teorija porjadka" i konstitucionnaja jekonomika ["Theory of Order" and the Constitutional Economy]. *Voprosy jekonomiki*, № 12. P. 86–95. (In Russian)
- Veblen T. (1994) Teorija prazdnogo klassa [The Theory of the Leisure Class]. Moskva: Progress. 367 p. (In Russian)
- Haidai T.V. (2016) Instytutsiina defektnist kvazirynekovooho seredovyscha yak barier dlia innovatsiinoho pidpriemnytstva [Institutional defects kvazirynekovooho environment as a barrier to innovation business]. *Pidpriemnytstvo yak rushiina syla suspilnoho prohresu* : materialy kruhloho stolu (Kyiv, 1 hrudnia 2016 r.) / NAN Ukrainy, DU "In-t ekon. ta prohnozuv. NAN Ukrainy". Kyiv. URL : <http://ief.org.ua/docs/scc/1.pdf>. P. 36–37. (In Ukrainian)
- Heiets V.M. (2016) Suspilnyi kapital – 25: oderzhavlenist chy derzhavotvorchist? [Social capital – 25: oderzhavlenist or state building?]. *Ekonomika Ukrainy*. №8 (649). P. 3–6. (In Ukrainian)
- Horditsa K.A. (2016) Transformatsiia vlasnosti v Ukraini: pidsumky instytutsiinykh zmin [Transformation of ownership in Ukraine: results of institutional changes]. *Ekonomika i prohnozuvannia*. Kyiv. № 2. P. 24–40. (In Ukrainian)
- Hrytsenko A.A. (2016) Ekonomika Ukrainy na shliakhu do inkluzyvnoho rozvytku [Ukraine's economy towards inclusive development]. *Ekonomika i prohnozuvannia*. Kyiv. № 2. P. 9–23. (In Ukrainian)
- Gricenko A.A. (red.). (2008) Institucional'naja arhitektonika i dinamika jekonomicheskikh preobrazovaniy [Institutional architecture and dynamics of economic transformations]. Har'kov : Fort. 928 p. (In Russian)
- Danylyshyn B.M. (2016) Taktyka evoliutsionizmu v suchasnomu ekonomichnomu rozvytku svitu (v aspekty Tretioi ta Chetvertoi promyslovykh revoliutsii) [Tactics evolutionism in modern economic development of the world (in terms of three and four industrial revolutions)]. *Ekonomika Ukrainy*. №8 (649). P. 44–61. (In Ukrainian)
- Zveriyakov M.I. (2016) Uroky rynkovoï transformatsii v Ukraini [Lessons market transformation in Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy*. №8 (649). P. 7–25. (In Ukrainian)
- Mjurdal' G. (1972) Sovremennye problemy "tret'ego mira" [Modern problems of the "third world"]. Moskva : Progress. (In Russian)
- Nebrat V.V. (2016) Instytutsiinyi aspekt doslidzhennia ekonomichnoi istorii [The institutional aspect of the study of economic history]. *Ekonomichna teoriia*. № 4. (In Ukrainian)
- Nebrat V.V. (2016) Pidpriemnytstvo i derzhava: retrospektyva instytutsiinoi vzaiemodii [Business and the state: a retrospective institutional interaction]. *Pidpriemnytstvo yak rushiina syla suspilnoho prohresu* : materialy kruhloho stolu (Kyiv, 1 hrudnia 2016 r.) / NAN Ukrainy, DU "In-t ekon. ta prohnozuv. NAN Ukrainy". Kyiv. URL : <http://ief.org.ua/docs/scc/1.pdf>. P. 6–9. (In Ukrainian)
- Nebrat V.V. (red.) (2014) Ukrainska ekonomichna dumka pro chynnyky ta priorytety ekonomichnoho rozvytku [Ukrainian economic thought of the factors and priorities of economic development]: monohrafiia; NAN Ukrainy, In-t ekon. ta prohnozuv. Kyiv. 396 p. (In Ukrainian)
- Nebrat V.V. (red.) ta in. (2012) Evoliutsiia rynkovykh instytutiv v Ukraini [The evolution of market institutions in Ukraine]: monohrafiia : u 2 ch.; za red.; NAN Ukrainy ; In t ekon. ta prohnozuv. Kyiv. Ch. 1. 332 p. (In Ukrainian)
- Nisbet R. (2008) Dohmy konservatyizmu [Dogma conservatism]. *Konservatyzm: antolohiia*. 2 e vyd. / uporiad. O. Hrytsenko, V. Lisovyi. Kyiv : VD "Prostir", "Smoloskyp". P. 142–177. (In Ukrainian)
- Nort D. (2000) Instytutsii, instytutsiina zmina ta funktsionuvannia ekonomiky [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]; per. z anhl. I. Dziub. Kyiv : Osnovy. 200 p. (In Ukrainian)
- Pyrozhekov S.I., Khamitov N.V. (2016) Tsyvilizatsiinyi proekt Ukrainy: vid ambitsii do realnykh mozhlyvostei [Civilization Project Ukraine from ambition to real opportunities]. *Visnyk NAN Ukrainy*. № 6. P. 45–51. (In Ukrainian)
- Piketti T. (2016) Kapital u KhKhI stolitti [Capital in the Twenty-First Century]; per. z anhl. N. Palii. Kyiv: Nash format. 696 p. (In Ukrainian)
- Polterovich V.M. (2008) Strategii modernizatsii, instituty i koalitsii [Modernization Strategies, Institutions and Coalitions]. *Voprosy jekonomiki*. № 4. P. 4–24. (In Russian)
- Popper K. (1992) Otkrytoe obshchestvo i ego vragi [Open society and its enemies]. – T. 2: Vremja lzheprokov: Gegel', Marks i drugie orakuly; [per. s angl. ; pod red. V.N. Saudovskogo]. Moskva: Feniks, Mezhdunar. fond "Kul'turnaja iniciativa". 528 p. (In Russian)

- Rajnert Je. (2010) Kak bogatye strany stali bogatymi i pochemu bednye strany ostajutsja bednymi [How rich countries became rich and why poor countries remain poor]. Moskva: GU VShJe. 382 p. (In Russian)
- Smit A. (2001) Dobrobut natsii. Doslidzhennia pro pryrodu ta prychny dobrobutu natsii [Wealth of Nations. The study of the nature and causes of the welfare of nations.]. Kyiv : Port-Royal. 594 p. (Serii "Filosofski pershodzherela").(In Ukrainian)
- Smolii V.A. (2016) Ukrainska mriia: 25 rokov vyklykiv [Ukrainian dream: 25 years Call]. *Visnyk NAN Ukrainy*. № 8. P. 9–15. (In Ukrainian)
- Soto E. de. (2009) Zahadka kapitalu. Chomu kapitalizm peremahaie lyshe na Zakhodi i nide bilshe [The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else]; per. z anhl. M. Klymchuk. Kyiv: Nika-Tsentr. 232 p. (In Ukrainian)
- Suprun N.A. (2016) Ramkovi umovy ta instytutsiini determinanty rozvytku korporatyvnoho sektoru natsionalnoi ekonomiky [Framework conditions and institutional determinants of the corporate sector of the national economy]. *Ukrainskyi sotsium*. № 3(58). P. 72–87. (In Ukrainian)
- Toffler Je. (2003) Shok budushhego [Future Shock]; per. s angl. Moskva: OOO "Izdatel'stvo AST". 557, [3] p. (Philosophy). (In Russian)
- Uil'janson O. (1996) Jekonomicheskie instituty kapitalizma [Economic Institutions of Capitalism]. Sankt Peterburg: Lenizdat. 476 p. (In Russian)
- Fukujama F. (2004) Velikij razryv [The Great Disruption]; per. s angl. pod obsbh. red. A.V. Aleksandrovoj. Moskva: OOO "Izdatel'stvo AST" : ZAO NPP "Ermak". 474 p. (Philosophy). (In Russian)
- Hajek F. (1992) Pagubnaja samonadejannost'. Oshibki socializma [Pernicious self-confidence. The mistakes of socialism.]. Moskva. 304 p. (In Russian)
- Hodzhson Dzh. (2003) Jekonomicheskaja teorija i instituty. Manifest sovremennoj institucional'noj jekonomicheskoi teorii [Economics and institutions: a manifesto for a modern institutional economics]; per. s angl. M.Ja. Kazhdan. Moskva: Delo. 464 p. (In Russian)
- Jeggertsson T. (2001) Jekonomicheskoe povedenie i instituty [Economic behavior and institutions]; per. s angl. Moskva: Delo. 408 p. (In Russian)
- Yakubenko V.D. (2004) Bazysni instytuty u transformatsiinii ekonomitsi [Basic institutions in transitional economy]: monohrafiia. Kyiv: KNEU. 252 p. (In Ukrainian)
- Alchian A. (1950) Uncertainty, Evolution and Economic Theory. *Journal of Political Economy*. Vol. 58. P. 211–221. (In English)
- Arthur W.B. (1989) Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-in by Historical Events. *Economic Journal*. Vol. 99, № 394. March. P. 116–131. (In English)
- Boyd R., Richardson P.J. (1985) Culture and the Evolutionary Process. Chicago : University of Chicago Press. 340 p. (In English)
- David P. (1975) Technical Choice, Innovation and Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press. (In English)
- Hamilton W. (1932) Institution. *Encyclopedia of the Social Sciences*. New York. V. VIII. P. 84. (In English)
- North D., Thomas R. P. (1973) The Rise of the Western World. New York : Cambridge University Press. (In English)
- Spencer H. (1898) First principles. New York. 344 p. (In English)
- Weber M. (1978) Economy and Society. Berkeley: University of California Press. Vol.1. (In English)

Поступление в редакцию 13.04.2017 г.

THE THEORETICAL BASIS THE RESEARCH TRANSFORMATION OF ECONOMIC INSTITUTIONS

Viktorii Nebrat

Author affiliation: PhD in Economics, Senior Researcher, Head, Department of Economy, History, Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine. E-mail: victoria_nebrat@ukr.net.

The article represents a synthesis of theoretical foundations and methodological principles of analysis of the historical process of changing the institutional structure of the economic system. The theory of institutional change is theoretical and methodological basis of institutional reconstruction. Formation of economic institutions is the result of a combination of appropriate design and spontaneous production of norms and rules that are tested and selected in the course of economic development. The deformation of institutions, as well as preserving inefficient rules and practices are part of the process of institutional transformation. Dependence on own institutional history, the important role of the state and special interest groups determine the preservation and reproduction of inefficient institutions in society.

Keywords: theory of institutional change, the transformation of institutions, the historical trajectory, institutional inertia, reconstructive economic development, institutional reconstruction.

JEL: B 250; B 490.